

18+

Рита
Вяземская

МЕСТЬ

Подается горячей!

Рита Вяземская

Месть подается горячей!

«Издательские решения»

Вяземская Р.

Месть подается горячей! / Р. Вяземская — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

— Тише... Замолчи, детка, — томно, хрипло прошептал Игорь, с силой прижимая к себе Алину, впиваясь пальцами в ее ягодицы. — Не так громко. Моя ведьма может нас услышать. Ты ведь этого не хочешь? Его голос. Тот баритон, который клялся мне в вечной верности у алтаря. Он назвал меня... ведьмой?

© Вяземская Р.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Месть подается горячей!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0070-4666-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Идеальный ресторан звучит как хорошо настроенный симфонический оркестр. В нём нет и не может быть места фальшивым нотам. Лёгкий, едва уловимый звон дорогого столового серебра, приглушённое шипение раскалённого оливкового масла на сковородах, ритмичный стук ножей шеф-поваров по дубовым разделочным доскам, шелест голосов в зале и терпкий, сводящий с ума аромат белого трюфеля, смешанный с тонкими нотками свежего базилика и выдержанного вина.

«Л'Аура» была моей гордостью. Моим детищем. Моей сбывшейся, выстраданной мечтой.

Я стояла у сверкающей сталью раздачи, машинально поправляя веточку микрозелени на тарелке с карпаччо из мраморной говядины, и чувствовала, как от чудовищной усталости гудят ноги. Тридцать пять лет — это, конечно, не возраст, но когда ты проводишь на ногах по четырнадцать, а то и шестнадцать часов в сутки, готовя флагманский ресторан к торжественному открытию, тело начинает подавать сигналы бедствия. Поясницу ломило, шея затекла, а перед глазами периодически плясали мелкие черные мушки.

Но я была счастлива. Господи, как же я была счастлива в ту минуту.

Я окинула взглядом сверкающий полумраком зал, который виднелся через приоткрытые двери кухни. Глубокий изумрудный бархат диванов, тяжелые портьеры, матовое золото отделки и хрустальные люстры, свисающие с потолка, словно застывшие капли дождя. Каждая деталь здесь была выбрана мной. Каждый стул, каждый бокал, каждый миллиметр этого пространства дышал моим видением.

Мы вложили сюда всё. Всю душу, все сбережения, всю нашу жизнь без остатка.

«Мы» — это я и Игорь. Мой муж. Моя опора. Мужчина, за которым я была как за каменной стеной уже долгих десять лет.

Когда мы только познакомились, у нас не было ничего, кроме бешеных амбиций и пустых карманов. Я часами стояла у плиты в дешевых забегаловках, стирая руки в кровь и обжигая пальцы кипящим маслом, а он мотался по городу на старенькой иномарке, пытаясь продать какое-то третьесортное ресторанное оборудование. Мы вместе прошли через нищету, через съёмные квартиры с протекающими трубами и вечно ломающимися холодильниками, через ночи, когда на ужин была одна пачка самых дешевых макарон на двоих. Я придумывала концепции, разрабатывала уникальные авторские меню, ночами сидела над технологическими картами, высчитывая граммовки до миллиграмма, а Игорь брал на себя всё остальное: юридические вопросы, сложные договоры, общение с поставщиками, кредиторами и арендодателями.

Я доверяла ему настолько, что последние годы даже не читала бумаги, которые он приносил мне на подпись. А зачем? Он ведь мой муж. Моя вторая половина. Всё, что у нас есть — наше, общее. Да, юридически учредителем и единоличным владельцем всего нашего разросшегося ресторанного бизнеса был Игорь. Я же числилась просто бренд-шефом и генеральным директором по совместительству. Он сам настоял на этом пару лет назад, аргументируя тем, что мне не нужно забивать свою гениальную голову налогами, проверками налоговой и бесконечной бюрократией.

«Ты твори, любимая. Создавай шедевры. А всю эту бумажную грязь и войну с чиновниками я возьму на себя», — говорил он, нежно целуя меня в макушку после очередного тяжелого дня.

И я творила. Я сделала наше имя брендом.

А еще в нашей идеальной семье была Алина. Моя сводная младшая сестра, которую мы забрали к себе пять лет назад, когда скорострительно не стало ее матери — второй жены моего отца. Алине тогда едва исполнилось семнадцать. Испуганный, растерянный, сломленный горем подросток с огромными голубыми глазами, пухлыми губами и копной светлых волос. Я заме-

нила ей мать. Оплатила учебу в престижном вузе, покупала брендовые вещи, последние модели телефонов, оплачивала поездки за границу, чтобы девочка не чувствовала себя ущемленной среди богатых однокурсников. Я отдавала ей всё тепло, на которое была способна, пытаюсь компенсировать потерю. Игорь тоже отнесся к ней с невероятным пониманием. Порой он баловал ее даже больше, чем я, покупая дорогие подарки в тайне от меня, со смехом оправдываясь: «Ну она же ребенок, Вер. Пусть порадуется».

Я улыбнулась своим мыслям, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. Сняла белоснежный поварской китель, повесила его на крючок в подсобке и одернула строгую шелковую блузку глубокого винного цвета. До официального технического открытия оставался ровно час. Сегодня мы принимали только «своих» — крупных инвесторов, именитых ресторанных критиков, полезных друзей и чиновников.

Нужно было найти Игоря. Я хотела обнять его перед тем, как начнется этот безумный, суматошный вечер. Сказать ему, глядя прямо в глаза, как сильно я его люблю и как бесконечно благодарна за всё, что мы построили вместе. За то, что он верил в меня, когда я сама опускала руки.

Я вышла из шумной кухни в длинный коридор, ведущий к административным помещениям. Шаги по толстому, мягкому ковровину были совершенно беззвучными. В коридоре горел приглушенный, интимный свет дизайнерских бра. Кабинет Игоря находился в самом конце, за тяжелой дубовой дверью с латунной табличкой.

Подойдя ближе, я заметила, что дверь слегка приоткрыта. Из узкой щели падал на ковер золотистый луч света, прорезая полумрак коридора.

Я уже занесла руку, чтобы с улыбкой толкнуть дверь и войти, как вдруг услышала звук, который заставил меня замереть на месте.

Это был стон.

Тихий, влажный, протяжный женский стон, полный откровенного, бесстыдного сладострастия. А за ним последовал тяжелый мужской выдох и характерный, ни с чем не сравнимый звук влажных шлепков кожи о кожу.

Моя рука зависла в миллиметре от полированного дуба. Сердце почему-то болезненно споткнулось о ребра и замерло, отказываясь биться дальше. Мозг, отравленный усталостью, отказывался осознавать то, что слышат уши. Наверное, кто-то из новеньких официанток решил уединиться с барменом? Как не вовремя. И как непрофессионально — прямо в кабинете владельца, за час до открытия века! Ярость шеф-повара мгновенно вскипела внутри. Нужно сейчас же войти, вышвырнуть обоих из кабинета и уволить к чертовой матери без выходного пособия.

Но я не двинулась с места. Какая-то неведомая, первобытная, липкая сила приковала мои ноги к полу. Дыхание перехватило. Я сделала полшага в сторону, прижимаясь плечом к холодной стене, и, словно в трансе, посмотрела в щель.

Угол обзора был небольшим, но его хватило. Хватило с избытком, чтобы моя идеальная, выстроенная по кирпичикам, защищенная от всех бурь жизнь разлетелась вдребезги с таким оглушительным треском, что мне показалось, будто у меня лопнули барабанные перепонки.

На широком черном кожаном диване, прямо поверх разбросанных смет, накладных и утвержденного мной сегодня утром банкетного меню, сидел мой муж. Мой Игорь. Мужчина, с которым я планировала состариться и нянчить внуков.

Его белоснежная рубашка была расстегнута на груди, дорогой шелковый галстук небрежно отброшен на пол, пуговицы вырваны. А на его коленях, обхватив его бедра стройными ножками в дорогих чулках, сидела девушка. Ее золотистые волосы, те самые, которые я так любила заплетать ей по утрам пять лет назад, разметались по плечам Игоря. Она ритмично двигалась, запрокинув голову, и тихо, сладко постанывала, пока руки моего мужа жадно, похотливо блуждали по ее телу, бесцеремонно сминая тонкую ткань дорогого вечернего платья.

Это была Алина. Моя сестра.

Кровь с такой чудовищной силой ударила мне в виски, что перед глазами поплыли плотные черные круги. Дыхание перехватило, словно мне в грудь с размаху вонзили раскаленный лом. Я открыла рот, чтобы сделать вдох, но легкие спазмировало. Гортань сдавило невидимыми тисками. Мир вокруг накренился, стены коридора поплыли, угрожая рухнуть мне на голову.

— Тише... Замолчи, детка, — томно, хрипло прошептал Игорь, с силой прижимая к себе Алину, впиваясь пальцами в ее ягодицы. — Не так громко. Моя ведьма может нас услышать. Ты ведь этого не хочешь?

Его голос. Тот самый баритон, который клялся мне в вечной верности у алтаря. Тот самый голос, который успокаивал меня ночами, когда я плакала от бессилия на старте нашего бизнеса. Сейчас этот голос был пропитан грязной, липкой, животной похотью.

И назвал он меня... ведьмой?

— Очень хочу, — практически прорычала Алина. Запустила тонкие пальцы с идеальным французским маникюром — который, к слову, я оплатила ей из своей карточки вчера утром — в его волосы и жадно, пошло поцеловала в губы. — Я так устала прятаться по углам, Игорек. Хочу, чтобы ты всё ей рассказал. Прямо сегодня. Брось уже её! Мы ведь договаривались! Я не могу больше делить тебя с этой старой сухой воблой.

Старая. Сухая. Вобла.

В тридцать пять лет. Слышать такое от девчонки, которая еще год назад рыдала у меня на плече из-за бросившего ее парня.

— Она меня бесит своими нравами! — продолжала капризничать Алина, не переставая двигаться на его коленях. — «Алиночка, как учеба? Алиночка, ты поела? Тебе не холодно без шапки?» Тьфу, тошнит от нее! Меня выворачивает от ее заботы! Брось ее, и мы наконец-то сможем быть счастливы. Ты ведь не любишь её... Скажи, что не любишь! Ну скажи!

Мои ногти с такой силой впились в ладони, что я почувствовала теплую, липкую влагу. Боль от прорванной кожи немного отрезвила меня, не дав свалиться в спасительный обморок прямо под их дверь. Я стояла, вдавившись лопатками в стену, не в силах оторвать взгляд от этой мерзкой, выворачивающей наизнанку, разъедающей душу картины.

— Малыш, ты же знаешь, что я давным-давно к ней ничего не чувствую, — выдохнул Игорь, зарываясь носом в шею моей сестры, оставляя там влажные поцелуи. — Она мне нужна только как рабочая лошадь. Удобная, безотказная функция. Кто еще будет пахать по пятнадцать часов в сутки у раскаленной плиты, создавая это меню, за которое инвесторы готовы отваливать миллионы? Ты? Нет, моя сладкая девочка, ты создана для шелков, бриллиантов и Мальдив, а не для запаха жареного лука и чеснока.

Алина довольно хихикнула, потираясь носом о его подбородок, словно довольная, сытая кошка.

— Но ты обещал, что мы улетим на острова еще в прошлом месяце! — надула она губки. — А мы до сих пор торчим в этом сером, грязном городе. Я уже все купальники купила! Когда это закончится? Я устала ждать, Игорь. Ты обещал!

Игорь внезапно остановил свои движения. Крепко сжал талию Алины, заставляя ее замереть, и посмотрел ей в глаза. Лицо его из расслабленного и похотливого вдруг стало холодным, жестким и пугающе расчетливым. Таким я видела его только тогда, когда он безжалостно уничтожал конкурентов на деловых переговорах или ломал поставщиков по ценам.

— Осталось потерпеть совсем немного, не драматизируй, — резко произнес он, и в его голосе прорезался металл. — У меня на Веру есть четкий план, о котором ты прекрасно знаешь. Мы не можем просто так взять, собрать чемоданы и уйти в закат. Ты хоть понимаешь, в каком колоссальном дерьме мы окажемся, если я просто подам на развод?

— Да в каком еще дерьме?! — взвизгнула Алина, слезая с его колен и поправляя подол смятого платья. Похоть мгновенно улетучилась, уступив место капризной панике. — Ресто-

раны записаны на тебя! Квартира в центре — на тебя! Счета — на тебя! Оставишь ей ее жалкие сковородки, кинешь пару миллионов отступных и пошлешь к черту! В чем проблема?!

— Идиотка, — прошипел Игорь, но тут же смягчил тон, притянув ее за руку и погладив по бедру. — Ты ничего не понимаешь в серьезном бизнесе, сладкая моя. Думаешь, открытие этого ресторана далось нам легко? Думаешь, те деньги, что я брал на развитие сети, это шутки? Банки мне отказали. И мне пришлось идти к Власову.

Мое сердце, только что начавшее болезненно биться, снова остановилось, рухнув куда-то в район желудка.

Демид Власов.

Даже я, человек, далекий от криминальных хроник, теневого бизнеса и передела собственности, знала это имя. В нашем городе его произносили исключительно шепотом, оглядываясь по сторонам. Человек, который владел половиной коммерческой элитной недвижимости, негласно контролировал крупный бизнес и выдавал гигантские кредиты тем, кому отказывали официальные структуры. Безжалостный, холодный, жестокий ублюдок, от одного взгляда которого стыла кровь в жилах даже у прожженных бандитов. О нем ходили жуткие легенды — о людях, которые пропадали без вести, оставляя после себя лишь кровавые пятна на асфальте, если имели глупость не вернуть ему долг вовремя.

Какого черта Игорь брал у него деньги?! Мы ведь оформляли официальные целевые кредиты в банке! Я сама видела выписки со счетов! Я ставила подписи на банковских анкетах!

— Демид — это животное, Алина, — голос Игоря предательски дрогнул. И в этой дрожи я слышала неподдельный, животный, липкий страх. — Я должен ему триста миллионов. Триста мать его миллионов! Я взял их под бешеные проценты, под залог всего, что у нас есть. И сроки вышли позавчера. Если я просто сбежу с тобой, его цепные псы найдут нас даже на краю света. Найдут, привезут обратно и будут резать на куски очень медленно, заставляя жрать собственную плоть. Ты этого хочешь?

— И что делать?! — в панике закричала Алина, зажимая рот руками. Ее лицо стало пепельно-белым. — Ты же обещал, что всё под контролем! Ты говорил, что мы будем сказочно богаты! Ты обещал мне сказку!

— Тихо! Закрой свой рот! — рявкнул Игорь, испуганно оглядываясь на дверь.

Я инстинктивно вжалась в стену, стараясь слиться с обоями, затаив дыхание до боли в легких. Если он выйдет сейчас... Если увидит меня... Я не знала, что сделаю. Брошусь на него с кулаками? Расцарапаю лицо этой малолетней дряни? Выколю ему глаза его же дорогой перьевой ручкой?

Нет. Я даже шевельнуться не могла. Меня парализовало от яда, который сейчас литрами вливался в мои уши.

— Всё под полным контролем, — забормотал Игорь, торопливо застегивая рубашку дрожащими пальцами и поправляя галстук. — Помнишь те кипы документов, что Вера подписывала на прошлой неделе? И те, что она подпишет сегодня вечером перед самым открытием, когда я скажу, что это формальности для налоговой?

— Ну помню, — шмыгнула носом Алина, вытирая размазавшуюся тушь. — Она же вообще не смотрит, что подписывает. Верит тебе, как собака преданная. Овца тупая. Лишь бы в кастрюлях своих ковыряться.

— Именно. Эта тупая овца только что юридически стала личным поручителем и основным должником по всем обязательствам перед Демидом. Я перевел все кредиты на левую подставную фирму, а Веру сделал ее единственным бенефициаром. По бумагам, с подписями нотариуса, это она взяла эти деньги и растратила их. И сегодня, когда она подпишет финальный акт передачи активов, я выведу остатки кэша со всех наших счетов на криптокошельки.

— А она? — спросила Алина. В ее голосе не было ни капли жалости к сестре, которая ее вырастила. Только холодный, шкурный интерес.

— А что она? — мерзко хмыкнул Игорь. — Ты же сама видишь, в каком она состоянии в последнее время. Работает на износ. Нервная система истощена до предела. Последнюю неделю я каждый вечер заботливо подмешиваю ей в травяной чай тот препарат, что мы купили через даркнет у твоего знакомого. Тяжелые психотропы, вызывающие спутанность сознания, потерю памяти и приступы немотивированной агрессии. Видела, как у нее вчера за ужином руки тряслись? А как она забыла, куда ключи от машины положила, и рыдала полчаса?

Я закрыла глаза, с силой прикусив изнутри щеку. До солоноватого привкуса крови.

Господи. Та странная, убивающая усталость. Внезапные головокружения, от которых я едва не падала в обморок прямо на кухне. Провалы в памяти, которые пугали меня до панических атак последние дни. Я жаловалась Игорю, плакала на его плече, говорила, что, наверное, у меня начинается ранняя деменция или я схожу с ума от переутомления. А он... Он заботливо гладил меня по волосам, сочувственно вздыхал, целовал в лоб и приносил мне горячий чай. «Выпей, любимая. Тебе нужно расслабиться. Это просто нервы. Я всегда буду рядом».

Он травил меня. Мой любимый, заботливый муж планомерно, доза за дозой, сводил меня с ума.

— Завтра рано утром, — продолжал Игорь, и в его голосе зазвучала откровенная, садистская радость, от которой меня начало трясти, — мы вызовем бригаду скорой психиатрической помощи. Я уже договорился с главврачом элитной частной клиники, забашлял ему приличную сумму. У меня на руках будут записи с наших домашних видеокамер, где она ведет себя неадекватно, орет и бросается вещами, и медицинское освидетельствование, что в ее крови найдены тяжелые психотропные вещества. Я заявлю, со слезами на глазах, что моя жена не выдержала стресса и стала наркоманкой. Ее упакуют в закрытый рехаб на принудительное лечение. Как минимум на полгода-год. Строгий режим. Ни телефонов, ни связи с внешним миром, ни посетителей. Недееспособная, конченная наркоманка.

— Боже, Игорек, ты просто гений! — восторженно взвизгнула Алина, бросаясь ему на шею и осыпая его лицо поцелуями. — То есть Власов придет за деньгами, а должница в психушке пускает слюни в смиренной рубашке?!

— Именно! Демид будет разбираться с ней и ее государственными адвокатами, которые ничего не смогут сделать. А мы с тобой, с чистыми пятьюдесятью миллионами в крипте, будем пить Маргариту на берегу океана. Она станет идеальным, непробиваемым козлом отпущения. Никто не поверит сумасшедшей наркоманке, даже если она придет в себя и попытается что-то рассказать. Я буду выглядеть в глазах общества и полиции как несчастный, убитый горем муж, чья жена разрушила дело всей жизни из-за зависимости.

Я слушала этот методичный, чудовищный в своей жестокости бред, и мне казалось, что пол под моими ногами исчез, и я проваливаюсь в глубокую, бесконечную, ледяную яму.

Это не могло происходить со мной. Так бывает только в дешевых криминальных триллерах. Мужчина, который вчера выбирал со мной цвет тканевых салфеток для банкетного стола и шутил про цвет скатертей. Девушка, которой я сегодня утром заботливо заплетала косу, потому что она обожгла палец плойкой. Родные люди. Моя семья.

Они стояли в метре от меня, за тонкой полоской дерева, и буднично планировали мое уничтожение. Не просто болезненный развод. Не просто пошлую измену с дележкой имущества. Они планировали запереть меня в клетку с мягкими стенами, обколоть галоперидолом до состояния овоща, повесить на меня смертельный долг перед самым опасным человеком в городе и обречь на верную, мучительную смерть. Демид Власов не стал бы ждать судов. Он просто выпотрошил бы меня живьем, чтобы достать свои миллионы.

К горлу подкатил тошнотворный, горький ком желчи. Я зажала рот обеими окровавленными ладонями, чтобы не издать ни единого звука. Слезы, жгучие, разъедающие кожу, как кислота, безудержным потоком потекли по щекам, смешиваясь с кровью от проколотых ногтями ладоней. Меня затрясло в крупной, неконтролируемой дрожи.

Бежать. Нужно немедленно бежать. Выскочить на улицу, броситься под колеса первому встречному такси, уехать в полицию! Написать заявление! Закричать на весь ресторан, позвать охрану!

«И что ты им скажешь, дура?» — внезапно прорезался в гудящей голове холодный, отстраненный, чужой внутренний голос. — «Что муж тебе изменяет с сестрой? Это грязно, но это не преступление по уголовному кодексу. Что он подсовывает тебе кредитные бумаги? Так там везде стоят твои реальные подписи, ты сама их ставила в трезвом уме. Что он тебя травит таблетками? Он сделает круглые глаза и скажет полиции, что ты сама глотаешь психотропы от депрессии. А анализы подтвердят наличие веществ в твоей крови. У него связи. У него на руках деньги. А у тебя, Вера, статус нервноистощенной, неадекватной истерички».

Железная логика, острая как скальпель хирурга, прорезалась сквозь панику, препарируя реальность.

Если я сейчас закачу скандал, если ворвусь в этот кабинет в слезах, начну кричать и бить посуду — я собственноручно подпишу себе смертный приговор. Игорь мгновенно поймет, что я всё знаю. И он не станет ждать завтрашнего утра. Врач из частного рехаба приедет через час. Меня скрутят дюжие санитары прямо на глазах у высокопоставленных гостей ресторана. Игорь сделает скорбное, несчастное лицо и со слезами на глазах объявит гостям, что у жены острый психоз на фоне переутомления. И все поверят. Ведь я буду орать, размахивать окровавленными руками, кидаться на сестру и мужа и выглядеть как настоящая, буйная сумасшедшая. Идеальная картинка для его плана.

Я сделала глубокий, судорожный вдох. Зажмурилась так крепко, что перед глазами вспыхнули красные пятна. Медленно выдохнула через нос, заставляя легкие работать.

Слезы высохли мгновенно. Словно внутри меня с громким щелчком переключили какой-то тумблер. Рубильник, отвечающий за чувства.

Холод. Звонящий, абсолютный, мертвый арктический холод сковал мое сердце, вымораживая боль. Та наивная, любящая, всепрощающая Верочка, которая готова была отдать жизнь за мужа и сестру, умерла в этом полутемном коридоре. Ее окровавленный труп остался лежать под дверью кабинета.

Вместо нее родилась другая женщина. Пустая. Расчетливая. Опасная.

Вы хотите сделать из меня покорную, удобную идиотку? Хотите отправить в психушку, стереть мою личность и забрать мою жизнь? Хотите скормить меня волкам?

Ну что ж, Игорек. Алиночка. Посмотрим, кто кого сожрет в этой игре. Вы сами разбудили эту «ведьму». Вытащили ее на свет.

Я беззвучно, ставя ноги с пятки на носок, отступила назад. Шаг, еще шаг. Развернулась и, стараясь не стучать каблуками, быстро, почти бегом направилась в сторону гостевых уборных.

Запершись в просторной кабинке с зеркалами в пол, я дрожащими руками включила холодную воду на полную мощность. Подставила под ледяную струю кровоточащие, исколотые ладони. Красные разводы закружились в белоснежной мраморной раковине, утекая в сток. Как моя прошлая, счастливая жизнь.

Я умыла лицо ледяной водой, стирая слезы и размазавшуюся косметику. Посмотрела в огромное зеркало в позолоченной раме.

На меня смотрела красивая, ухоженная женщина с бледным как полотно лицом и мокрыми прядями волос, прилипшими к щекам. Идеальная строгая шелковая блузка, тонкие аристократичные черты лица. Но глаза... Глаза были чужими. Темные, пустые, страшные. В них больше не было ни капли света. Лишь черная, концентрированная бездна.

— Успокойся, — прошептала я своему отражению. Голос был хриплым, надтреснутым, как после долгого крика. — Дыши. Медленно вдыхай и выдыхай. Ты ничего не знаешь. Ты всё еще дура. Усталая, любящая, преданная дура-жена. Играй свою роль, Вера. Играй так гени-

ально, как никогда в жизни не играла. От этого зависит не твоя гордость. От этого зависит твоя жизнь.

Достала из брендовой сумочки косметичку. Жесткими, уже не дрожащими движениями запудрила мертвецкую бледность плотным слоем тонального крема. Нанесла на острые скулы немного свежих румян, возвращая лицу видимость здорового румянца. Тщательно прокрасила ресницы, скрывая красноту век. Подкрасила губы легким персиковым блеском.

Выдавила перед зеркалом тренировочную улыбку. Поправила уголки губ. Получилось немного криво, деревянно, но сойдет для измученного предстартовой суетой шеф-повара.

Когда я, стуча каблучками, вышла в основной зал, там уже всюду суетились официанты, натирая бокалы и расставляя приборы. На часах было шесть вечера. Первые высокопоставленные гости должны были прибыть с минуты на минуту.

Игорь вышел из административного коридора. Застегнутый на все пуговицы, в идеально сидящем дорогом темно-синем костюме-тройке. От него пахло дорогим парфюмом с нотками кедра и... чужими женскими духами. Рядом семенила Алина, что-то весело щебеча в телефон, поправляя идеальные локоны.

Увидев меня у барной стойки, Игорь расплылся в своей фирменной, обаятельной, открытой улыбке. Той самой улыбке, от которой у меня когда-то подкашивались ноги и таяло сердце. Сейчас эта физиономия вызывала лишь едкий приступ желчной тошноты, который мне пришлось подавить титаническим усилием воли.

— Верочка, любовь моя! Гордость моя! — Он подошел широким шагом и по-хозяйски, крепко обнял меня за талию, заботливо целуя в висок. Моя кожа покрылась гусиной кожей от омерзения, но я заставила свои мышцы не деревенеть. — Ты почему такая бледная, родная? Снова переутомилась у своих плит? Я же просил тебя делегировать часть обязанностей сушефу! Побереги себя для меня!

Я заставила себя расслабиться в его объятиях. Не отстраниться с криком. Прижаться щекой к его груди, под дорогой тканью которой билось черное, насквозь гнилое, трусливое сердце.

— Просто очень устала, Игорек, — мягко, с легкой долей привычного каприза ответила я, глядя на него снизу вверх преданными, влажными глазами. — Так сильно волнуюсь перед открытием. Вдруг критикам не понравится новое меню?

— Моя ты трудяжка, глупышка, — ласково проворковал он, щелкнув меня по носу. — Всем всё понравится. Ты же гений. Алина, посмотри на нашу Веру. Ей срочно нужно в отпуск. Ничего, милая, вот подпишем сегодня все акты приемки помещения, разберемся с бумажками для налоговой, и я отправлю тебя на лучший курорт. Будешь спать сутками под пальмами, пить коктейли и ни о чем не думать.

— Да, Верунь, тебе правда нужно отдохнуть! Выглядишь как настоящий зомби с кругами под глазами, — хихикнула Алина, хлопая пушистыми наращенными ресницами.

В ее голубых, ясных глазах не было ни капли раскаяния, ни тени совести. Только скрытая, злорадная насмешка и алчное предвкушение скорой победы. Она смотрела на меня, как на отработанный мусор, который завтра утром вывезут на свалку.

Я повернулась и улыбнулась сестре. Искренне, тепло, так, как улыбалась ей всегда.

— Обязательно отдохну, Алиночка. Очень скоро. Обещаю. И ты отдохнешь. Все мы получим то, что заслужили.

В этот момент тяжелые стеклянные входные двери ресторана с оглушительным шумом распахнулись.

Это не были первые гости. Почетные гости не врываются в элитное заведение, грубо отталкивая плечом нарядную хостес.

В просторный холл вошли пятеро мужчин. Все как на подбор: высокие, широкоплечие, с квадратными челюстями, в строгих темных пальто, из-под которых при каждом движении явно

угадывались кобуры. Они двигались синхронно, бесшумно, как стая матерых волков, загоняющая загнанную в угол добычу. Легкая джазовая музыка в зале, казалось, стихла сама собой. Официанты замерли с подносами в руках, как вкопанные манекены. Воздух в помещении мгновенно стал тяжелым, наэлектризованным, пахнущим озоном и опасностью.

Охранники расступились, образуя живой коридор.

И сквозь него неспешным, уверенным шагом прошел он.

Демид Власов.

Я видела его лишь однажды, мельком, в криминальной хронике местного телеканала, когда продажные журналисты пытались снять обличительный сюжет о рейдерском захвате какого-то крупного завода. Но вживую этот человек подавлял одним своим присутствием. Ему не нужно было кричать или размахивать пистолетом. От него просто фонило первобытной угрозой.

Высокий, выше моего Игоря на полголовы. Идеально скроенный по фигуре костюм-тройка цвета воронова крыла подчеркивал хищную, звериную грацию его тела, в котором не было ни грамма лишнего веса — только литые мышцы. Его лицо можно было бы назвать породистым, классически красивым, если бы не ледяная, вымораживающая душу жестокость в резких чертах. Острые, как бритва, скулы, жесткая линия упрямой челюсти и глаза — темные, бездонные, холодные, в которых не отражалось ничего, кроме абсолютной, ничем не ограниченной власти над жизнями других. Он смотрел на нас не как на равных людей. Он смотрел на нас как на пыль под своими дорогами, отполированными до блеска ботинками.

Рука Игоря, всё еще по-хозяйски лежащая на моей талии, внезапно заледенела. Муж дернулся всем телом, словно его ударило разрядом высоковольтного тока. Я физически почувствовала, как он в одно короткое мгновение покрылся липким, холодным потом. Его пальцы судорожно, до синяков впились в мою плоть сквозь тонкий шелк блузки.

— Д-деמיד Аркадьевич... — Голос Игоря дрогнул, жалко сорвавшись на высокий, мышинный писк. Вся его напускная самоуверенность холеного альфа-самца испарилась в секунду, обнажив трусливого, дрожащего от ужаса мальчишку, который обмочился от страха. — К-какая честь... Но мы ведь... мы ведь договаривались на следующую неделю... Мы еще закрыты для посетителей...

Алина, стоявшая рядом с нами, тонко, по-собачьи взвизгнула и инстинктивно отскочила за широкую спину Игоря, прячась, словно перепуганная мышь.

Демид не остановился. Он медленно, неспешно, наслаждаясь производимым эффектом, подошел к нам. Каждый его тяжелый шаг гулким эхом отдавался в абсолютной, звенящей тишине роскошного ресторана. Охранники привычно рассредоточились по залу, наглухо блокируя все входы и выходы. Мы оказались в мышеловке.

Власов остановился в двух шагах от нас. Медленно окинул взглядом дорогой интерьер, позолоту, хрусталь, бархат, скривив твердые губы в брезгливой, пренебрежительной усмешке.

— Красиво, — произнес он. Голос у него был низкий, ровный, с легкой хрипотцой, от которой по коже невольно бежали колючие мурашки. — Дорого. Очень дорого. Вижу, мои деньги пошли в дело. Не обманул.

— Конечно! Все в дело! До копеечки! — засуетился Игорь, раболепно сгибаясь, покрываясь красными, уродливыми пятнами. Он заискивающе закивал головой. — Я всё верну, Демид Аркадьевич! С процентами! Как договаривались! Всё отдадим! Дайте только ресторану запуститься!

— Договоры имеют свойство меняться, Игорь, когда одна из сторон начинает играть капленными картами, — медленно, растягивая слова, как патоку, произнес Власов. Он перевел свой тяжелый, давящий взгляд с хрустальной люстры прямо на моего мужа. Глаза Демиды сузились. — Мои аналитики проверили твои счета. И знаешь, что они нашли? Оказывается, ты

выводишь активы. Прячешь мои деньги по оффшорам. Пытаешься переписать долги на подставные конторы. Ты думал, я этого не замечу? Ты, кусок дерьма, держишь меня за идиота?

От этих слов, сказанных без единой ноты повышения голоса, в зале стало так тихо, что было слышно, как тяжело и хрипло дышит Игорь.

Мой муж побледнел до мертвенной синевы. Его колени откровенно тряслись, подкашиваясь. Он открывал и закрывал рот, хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Нет! Что вы! Это ошибка! Это чудовищное недоразумение! — истерично залепетал мой муж, пятясь назад, всё еще цепляясь за мою талию, словно за спасательный круг. — Я ничего не вывожу! Я всё готов отдать! Клянусь здоровьем!

— Триста миллионов, Игорь. Триста миллионов и пятьдесят сверху за попытку меня наебать, — спокойно отрезал Демид. — Завтра в восемь утра они должны быть на моем счету. Если их не будет — этот красивый, дорогой ресторан сгорит дотла. Вместе с тобой и всем твоим выводком, который ты тут собрал.

Демид сделал плавный, едва заметный, хищный шаг вперед. Этого было достаточно.

Животный, неконтролируемый ужас полностью поглотил Игоря. Тот самый инстинкт самосохранения, о котором он так сладко пел сестре в кабинете, затмил в нем всё человеческое.

В панике, обезумев от страха, желая спасти свою жалкую, ничтожную шкуру, защититься от нависшей смертельной угрозы, мой муж сделал то, чего я не смогла бы простить ему даже в следующей жизни.

Он с силой рванул меня за руку, выкручивая запястье, и грубо, как тряпичную куклу, вытолкнул вперед. Прямо под ноги Демиду Власову.

— Это она! — истерично, срываясь на бабий визг, закричал Игорь, трусливо прячась за моей спиной. — Это всё Вера! Она гарант по всем кредитам! Все документы на ней! Она подписывала все бумаги, Демид Аркадьевич! Она генеральный директор, она контролирует все счета! Это она выводила деньги! Спрашивайте с неё! Я здесь вообще ни при чем! Я просто номинал!

Я едва удержала равновесие на высоких шпильках, покачнувшись, чудом не врезавшись лицом в твердую, как камень, грудь опасного хищника.

Алина за моей спиной тихо, по-крысиному заскулила от страха.

Я замерла, тяжело дыша, глядя прямо в темные, непроницаемые глаза человека, который пришел нас уничтожить. Мой муж, человек, которому я преданно отдала десять лет своей молодости и всю свою любовь, только что швырнул меня хищнику в качестве живого щита, в качестве куска свежего мяса, чтобы спастись самому.

Воздух в ресторане застыл.

Демид не пошевелился. Он лишь медленно, с легким, почти незаметным удивлением опустил взгляд на меня. Его глаза, холодные, как лед на дне Марианской впадины, скользнули по моему бледному лицу, по подрагивающим губам, по сжатым в кулаки рукам. Он молчал, словно хищный кот, лениво оценивая добычу, которую трусливая крыса только что бросила ему под ноги.

А я... я больше не чувствовала страха. Ни перед пугающим до одури Власовым, ни перед вооруженными амбалами вокруг.

Внутри меня клокотала только обжигающая, всепоглощающая, ядовитая ярость.

Я медленно выпрямилась. Расправила плечи, полностью игнорируя предательскую дрожь в коленях. Гордо подняла подбородок и посмотрела прямо в холодные глаза самому опасному человеку этого города.

Я не собиралась умирать за чужие долги. Я не собиралась завтра утром ехать в смиренной рубашке в психушку из-за предателя, который сейчас трясся за моей спиной.

«Ну что ж, Демид Аркадьевич, — подумала я, не отводя от него жесткого, прямого взгляда. Мои губы тронула легкая, смертельно холодная усмешка. — Кажется, у нас с вами есть один общий враг. И нам нужно очень серьезно поговорить. Наедине».

Глава 2

Тишина в зале ресторана была настолько плотной, осязаемой, что казалось, ее можно резать ножом для стейков. Воздух застыл, превратившись в густой, удушливый кисель. Никто не смел пошевелиться. Официанты слились со стенами, музыканты на небольшой сцене превратились в восковые фигуры, а элитные гости, которые только начали прибывать на техническое открытие, замерли у гардероба, инстинктивно вжимаясь в бархатную обивку пуфов.

Все взгляды были прикованы к нам. Точнее, к эпицентру этой катастрофы.

Я стояла в метре от Демида Власова. Между нами искрило такое напряжение, что, казалось, от одного неосторожного вздоха рванет всё здание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.